

МАШЕЗЕРСКИЙ ВЕСТНИК

№ 1, 2018

Возобновленное издание Ордена Иоасафа Машезерского

ИСТОРИЯ

Старинная деревня Сулажгора, возникшая еще в XVII веке, располагалась в шести верстах от города Петрозаводска на главной почтовой дороге, Петербургском тракте. Были попытки осмыслить название деревни, исходя из данных карельского языка. Его связывали с карельским словом *sula* – «талый», то есть «таялая гора»; объясняли это тем, что самое высокое место в окрестности раньше других освобождается от снега. Большая проезжая дорога предполагала занятие извозным промыслом, который приносил хороший доход. Деревня росла, и к концу XIX века в Сулажгоре было около 60 домов, в которых проживало почти полтысячи жителей, из них около 200 крестьян мужского пола, приписанных к Олонецким горным заводам. Проживали в деревне несколько семейств зажиточных, капитальных крестьян, все они относились к Заозерскому мирскому обществу, а в духовном отношении принадлежали к Соломенской церкви. Своего храма в Сулажгоре не было. В конце пятидесятых годов XIX века деревенское общество обратилось к духовному и губернскому начальству с просьбой о разрешении на постройку в Сулажгоре своей церкви: «в Сулажгоре до сих пор не было своего святого храма, между тем за отдаленностью Соломенного жители ее встречали затруднения в исполнении христианских треб и должны были ходить на богомолие в праздники в упомянутый приход, находящийся в шести верстах. И вот зажиточные из них возымели благочестивую мысль построить храм во имя святого великомученика Димитрия Солунского, предложили эту мысль принять крестьянам и все единодушно согласились просить у начальства дозволения на осуществление своего желания». Местный крестьянин Першин пожертвовал в пользу церкви денежный капитал в 2800 рублей. Получив дозволение начальства и архипастырское благословение Высокопреосвященного Аркадия, архиепископа Олонецкого и Петрозаводского, сулажгорцы в 1857 году заготовили строительные материалы и 19 сентября того же года совершили закладку нового храма. Началось строительство. «С небольшим в семь месяцев церковное строение возведено было под крышу, так что в начале лета 1858 года можно было водрузить на храме святой крест: впрочем, новоустроенная церковь небольшая, бревенчатая, на каменном фундаменте, осьмиугольная, в диаметре 6 сажен. Для водружения святого креста на новом храме с благословения нашего Архипастыря назначено было воскресенье 1 июня, и совершение сего торжества поручено ректору здешней семинарии, архимандриту Виталию, с двумя священниками и причтом. В семь часов пополудни сюда собралось все население Сулажгоры, некоторые чиновники, купцы и мещане Петрозаводска – любители службы Божией и подобных торжеств Святой Церкви. Наконец прибыл и архимандрит с причтом и, облачившись в ризу перед началом священнодействия, сказал сулажгорцам назидательное и понятное для них слово». Так в Сулажгоре появилась своя церковь во

имя святого великомученика Димитрия Солунского. При церкви была построена деревянная колокольня. 11 февраля 1891 года была открыта Сулажгорская церковно-приходская школа. Заведующим и законоучителем был священник Вифлиемский. Олонецкие губернские ведомости сообщали: «В 1898 году церковно-приходская школа в Сулажгоре имеет учащихся 30 человек: 19 мальчиков и 11 девочек. Учительницей состоит окончившая курс в Петрозаводском епархиальном училище девица А.И.Костина, она же преподает и Закон Божий. Попечители школы: М.А. Лейманов и Ф.И.Тихонов». Неподалеку от храма находилось сельское кладбище. В настоящее время его сравняли с землей, не сохранилась и церковь. Ныне в Сулажгоре вновь воздвигнут храм в честь св. вмч. Димитрия Солунского, построенный на средства семьи А.П. Лукина в память о трагически погибшем сыне Димитрии. В 2002 году Архиепископ Мануил совершил малое освящение церкви во имя святого великомученика (по материалам сайта eparhia.karelia.ru). Ниже публикуются редкие фотографии того старого храма, который не сохранился. (фотоматериалы предоставлены краеведом Дмитрием Нечаевым).

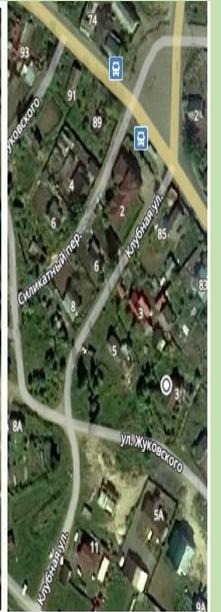
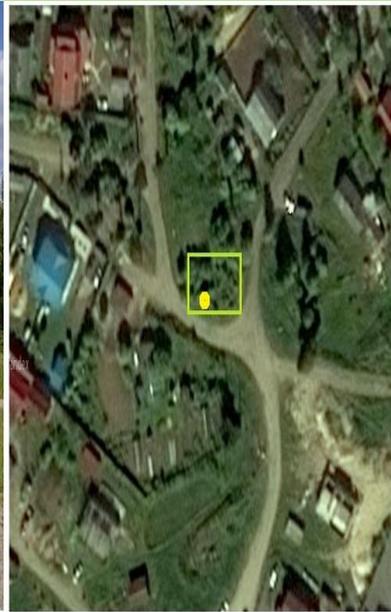
Открытие клуба в Сулажгоре. 1930 г.

Г.В.Мезенцев "Твой путь, Карелия.", 1967 г.

На плакате: "коллективизации".

бывш. церковь Димитрия Солунского в дер. Сулажгора

МАШЕЗЕРСКИЙ ЛИСТОК

Машезерский странник

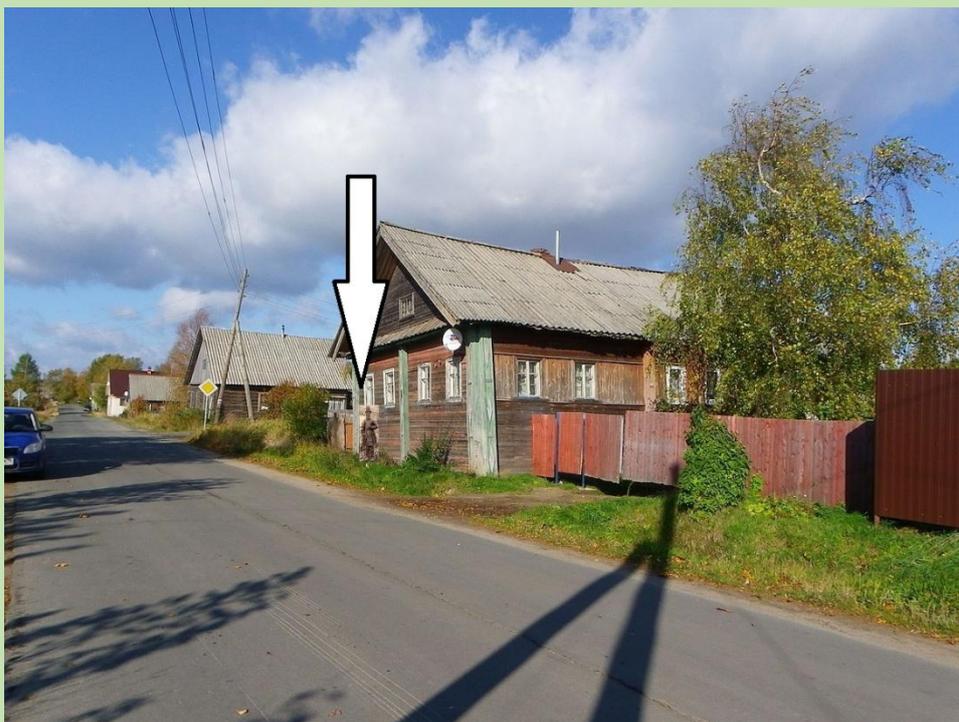
Народ в поселке Машезеро так и окрестил этого невиданного доселе гостя – машезерский странник. Появлялся он всегда внезапно то в одном конце поселения, то в другом. Никто из жителей никогда не мог с точностью предсказать, где странник появится в следующий раз, может, прямо у порога вашего дома. Казалось бы, самый обыкновенный человек... Хотя,

обыкновение это улетучивалось хотя бы при беглом взгляде на пришельца – одежда выдавала его непонятное происхождение, причем как географическое, так и временное: летние хлопковые широкие штаны салатного цвета, косоворотка с подпоясанным тюменским ремнем-новоделом и бляхой «Серафим Саровский», на ногах не что-нибудь, а самые настоящие лапти. Да мешок за спиной. Ни дать, ни взять, истинный странник из далекого прошлого. Соломенная шляпа прикрывала слегка прищуренные глаза от палящего летнего солнца. Кожа на руках и лице слегка потрескалась. По возрасту выглядел человек лет на 37-39, борода на лице не выдавала истинный возраст.

Впрочем, имя у странника было. Он и сам не раз представлялся при встрече с машезерцами: «Силон. Мы Силон». Почему-то о себе в третьем лице. Ну да ладно. В разговорах третье лицо уже не упоминалось, только при представлении себя. Появился Силон в Машезере несколько лет назад. Точный год стал предметом жесточайших споров во время собрания одного из садоводческих кооперативов. Очевидно, дела в садоводстве шли так хорошо, что обсуждать уже было нечего, разве что дату точного прибытия странника в их поселок.

Поселение Машезеро насчитывает несколько тысяч домов и свыше 4000-х тысяч жителей. Впрочем, 97% из них составляют сезонные дачники, а местных жителей можно пересчитать по пальцам. Когда-то было не так. Появление садово-огороднических товариществ в самом конце 1960-х гг. пасло деревню от вымирания и полного исчезновения. Машезеро и раньше-то не было крупным географическим пунктом, а после Великой Отечественной войны и вовсе стало хиреть. Дела в местном колхозе «Вторая пятилетка» шли из рук вон плохо, и в 1956 г. он распался. Как раз в стране стали выдавать паспорта сельским жителям, и многие перебрались, очевидно, в Петрозаводск. Появление новых сил в виде дачников от разных ведомств вдохнуло живую струю в угасавшую деревню, в котором даже храма не было аж с 1939 г. (сгорел). Строительство дач развернулось решительными темпами, и вскоре среди натканных домиков уже трудно

было различить истинно деревенские дома, оставшиеся еще с дореволюционных и послевоенных лет.

Если посмотреть на историю поселка (а ныне это поселок, поскольку с 2006 г. в Машезере действует храм Прп. Серафима Саровского) чуть дальше вглубь, то мы с удивлением узнаем, что до революции это, казалось бы, забытое Богом место вовсе не было забыто ни Богом, ни людьми: на

близлежащем острове до 1764 г. располагался мужской монастырь в честь Святого Пророка Илии, святого аскетичного и сурового, как и весь карельский северный край с его природой. После упразднения монастыря осталась Ильинская церковь, куда, особо по праздникам, стекались сотни благочестивых богомольцев. На материке имелась другая теплая церковь в честь святого Василия Великого, у плотины (место слияние озер Машезеро и Гурвич) – часовня в честь Богородицы. В 1903 г. была построена церковь Прп. Серафима Саровского. В православном отношении край, можно сказать, процветал, а петрозаводский купец Пименов следил за качеством дороги, соединявшей город и Машезеро. Революция 1917 г., конечно, наделала шороху в головах людей. Что-то пошло в стране не так. Старые ориентиры жизни были утеряны, новые же не смогли заменить старых, а явились какой-то смесью новой идеологии и, как ни странно, самого Евангелия. Людям предлагалось жить по-новому, но как, видимо, не знали и сами организаторы революции. Не знаем мы и до сих пор.

Впрочем, людей православных такой вопрос не должен особо волновать, поскольку их-то ориентиры никто не смог сломить. Путеводная звезда – Христос и его книга Евангелие – как была таковой для миллионов верующих во все времена, так и остается. И слава Богу. Не стоял вопрос со смыслом жизни и Силона. Он явно был человеком верующим и набожным. Господи, побольше бы таких в наши смутные времена. Иногда из-под косоворотки проглядывала у Силона серебряная цепь. Возможно, она носила на себе большой крест на груди машезерского странника, поскольку для нательного крестика была слишком уж велика. Времена меняются, проходит мода, подвергаются сомнению мысли, чувства, поступки. Да только вера остается. Правда-то одна – и на небе, и на небеси. Силон олицетворял собой как бы переход, связь между временем ушедшей дореволюционной России и днем XXI века. Люди по-разному воспринимали Силона, но в большинстве случаев все-таки проникались и его одеждой, и манерами, и образом мыслей. Очевидно, что-то подсознательно тянуло их к машезерскому гостю, который обладал чем-то таким, что мы безвозвратно потеряли за прошедшие 100 и более лет в своем менталитете и национальном характере. А что же это? Думаю, доброта, вера и сострадание. Чего душой кривить, в нынешних наших людях эти черты встретишь совсем не часто, зачастую в периоды экстренных внештатных ситуаций, когда проявляются на

волю наши скрытые черты характера, дремлющие под рубахой. А вот в Силоне они не дремали. Вера, доброта и сострадание к ближнему никуда не исчезали с его лица, сочетаясь в чертах каким-то непостижимым образом одновременно. При встрече с ним некоторым просто хотелось расплакаться и покаяться за свои прегрешения. Ах, как же низко мы все пали, что очерствели душой. Прости нас, милосердный Господи, за наши ежедневные падения. Дай нам сил встать и сражаться с невидимыми врагами жизни нашей и впредь, дай время для покаяния.

Порой возникало ощущение, что не дачники-машезерцы, а Силон – истинный обитатель этой православной святой земли, где подвизался игумен Иоасаф Машезерский с монахами. Земной путь некоторых из них (в том числе и Иоасафа) прервался на острове во время набегов шведских захватчиков в конце XVI века. Настолько органично сливался Силон с природой и как будто ощущал край своим. Возможно, так и было в действительности, поскольку сколько бы ни допытывались машезерцы о родине Силона, никто не преуспел в расспросах. Силон уклончиво отвечал, что он то здесь, то там. В другой раз мог заявить, что он олончанин и, глядя на его одежду, трудно было сообразить, что он имеет в виду – олончанин как житель Олонца или же олончанин как житель Олонецкой губернии, как и звали до образования республики всех жителей Карелии. А то мог и вовсе сказать так: «Быть мне там куда Иисус Христос перстом ткнул». И точка. Ничего тут не добавишь и не убавишь. Посему машезерцы вскоре махнули рукой и уже более не интересовались происхождением Силона. Его никто не спрашивал, а он и не говорил.

Но вот поговорить с людьми Силон любил. Подойдет к развалившейся в гамаке праздной особе, громко слушающей музыку и резко убавит звук. Ну, тут особа начнет в хвост и гриву распинать невоспитанного мужика, а тот:

- Да ты оглянись вокруг, дурёха! Послушай!

Стоят, слушают.

- Что я должна слушать?! – вопит дачница.

- ТИШИНУ – спокойно ответит Силон, сядет на траву и слушает. Потом:

- Ну разве не радость какая, ощущать себя частью природы, которую мы сами загаживаем и отстраняем от себя. Впрочем, природа без нас проживет, а вот мы без нее? А, то-то же. А ты, барышня, отгородилась от всего мира своим магнитофоном, живешь в своем выдуманном мирке, а жизнь проходит быстро, как волна к берегу стремится. И угасает волна, как и земная жизнь когда-нибудь. А ты время тратишь.

- Моё время, хочу и трачу! – огрызается барышня, не скрывая своего презрения к непонятно вообще кому. И откуда он взялся, да еще на моем участке?

- Твое, конечно, - кивает Силон. – А я вот трачу на тебя своё. Опомнись, дурище. Скинешь пелену с глаз, и мир к тебе повернется, начнешь ценить вещи, доселе тебе невиданные. Сейчас не поймешь, после осознаешь. Сладка эта жизнь тебе с магнитофоном? А та еще слаще покажется, нужнее и осмысленнее, когда поймешь, что ты – творение Божие, призванное выполнять высокую миссию – стремиться к вечной жизни. Там не будет магнитофона, но там будут такие вещи, какие тебе и в лучшем сне никогда не приснятся. Скинь грехи, как грязь, и иди к другой жизни уже здесь, на земле. Голова пойдет кругом у тебя, когда осознаешь всю важность своей миссии. Дело тебе говорю. Прощай.

И Силон, с интересом посмотрев на барышню, исчезает за поворотом. Музыкальная барышня остается в смятении. Вроде, и нынешнее положение ее устраивает, и музыка-то хорошая, но новая, доселе не слыханная миссия, заставляет ее лишней раз не крикнуть бранное слово, а замолкнуть и начать осмысливать только что услышанные от машезерского странника слова. Бредит ли он или вразумду?

Вот таких историй каждый дачник может привести с ходу и не одну. Впрочем, православными нравоучениями Силон не ограничивался. Вера без дел мало что стоит. Нередко видели его помогающим крепить стропила на крыше Ивана Лопатина, пилящим

дрова старушке Маргарите Федоровне. За ночь в кооперативе «Энергетик-1» на дорожке, ведущей на колодец, появились дощатые мостки. Жители близлежащего дома не слышали при этом ни одного стука молотка. Дивны дела твои, Господи. Ржавые ворота многих кооперативов приобрели второе разноцветное дыхание, покосившиеся заборы поправились Силоном когда тайно, а когда и явно вместе с хозяином. Привезенные 5 кубов дров в местный приход за ночь превратились в аккуратную поленницу уже под крышей сарая, а из приходской шлюпки всегда была вычерпана вода (лодка протекала) и накопаны черви для старосты храма. Баночка лежала в одном и том же месте. Люди чаще всего благодарили Силона различными кушаньями, а то и одеждой. И если еда принималась им всегда, то одежда оставалась на нем неизменной. Его соломенную шляпу местные рыболовы не раз видели среди деревьев на Ильинском острове, куда прошлым летом особенно часто ездил Силон, и удивлялись: что бы ему там делать? Рыбачить? Вокруг острова места действительно удачные для клева. Невдалеке имеется густая заводь, где водятся щуки. Силон упросил Нину Григорьевну пользоваться на время ее лодкой, а взамен исправно колол ей дрова и починил сарай. Нина Григорьевна была вдова и жила много лет в одиночестве, на мужскую силу ей рассчитывать уже не приходилось.

Как-то раз вернувшийся сентябрьским днем рыбак Митрич с порога сообщил своей супругу Настасье Филипповне:

- Настюша, а ведь на острове кто-то поставил киот! Стоит себе аккуратненький домик метр на метр и два в высоту рядом с поклонным крестом, где раньше церковь Ильинская была. Дверь на шпингалет закрыта. Открываешь и видишь на стенах развешанные иконы пророку Илье, Серафиму Саровскому, Богу нашему и Богордице. Ящички с песком имеются для свечей. В общем, всё, как подобает. Съездим-ка еще разок как-нибудь, покажу.

- Кто же этот умелец? – задумалась обрадованная Настасья Филипповна. – Почитай, сорок пять лет уже как сгорела та прежняя церковь и не было с тех пор на острове ни одной новой постройки. Видать, пришло время изменений к лучшему.

- Я так думаю, что это Силон построил, - предположил Митрич, расставляя в углу сарая удочки.

- С чего ты так порешил? – Настасья Филипповна села на крыльце и смотрела на мужа.

- Его часто видели этим летом там, - кивнул в сторону острова Митрич. – Степан и Димка, да еще впридачу сторож нашего кооператива разом думали, будто Силон рыбачить ездить в те края. Похоже, он строил. Надо у Нины Григорьевны спросить – Силон лодку у нее арендовал.

- Ну что ж, раз никто из местных не сподобился построить, пускай гость наш решился на сей подвиг, - вздохнула Настасья Филипповна. – Ты меня и правда свози в это воскресенье, вместе посмотрим.

Киот взаправду вышел симпатичный и компактный. Обшит он был профильным железом бежевого цвета, на крыше – тоже профиль, но уже зеленый. Венчал крышу позолоченный крест. Перед дверью – ступенька. Теперь посетители острова могут не только прибраться на могилах своих родственников, похороненных на этом же острове в другой его части, но и зайти в киот и поставить свечки за здравие и упокой. Добавим ко всему прочему, что Нина Григорьевна так и не призналась, возил ли Силон материалы на остров.

Кстати, сказать, с Силоном наш герой Митрич встретился осенью в

местном магазине – он как раз закрывался через два дня, и местное население спешило отовариться по максимуму, дабы не ездить за каждой мелочью в город за 25 километров. Можно и по прямой в 10 километров, но дорога та старая и ухабистая, не каждый узик решится проехать, особенно весной и осенью.

- Чего грустишь? – спросил Силон у Митрича, внимательно вглядываясь в лицо рыбака.

- На пенсию проводили, - вздохнул Митрич, почесывая затылок. – Даже спасибо не сказали за многолетний труд на производстве.

Силон поставил сумку на пол, бухнулся на колени и сделал земной поклон на восток. Потом вставл к удивлению всех присутствующих в магазине и самого Митрича и произнес:

- Вот так тебе нужно было поступить при выходе на свою пенсию. Если же ты вышел на нее, имея за плечами добрые дела и полезные приобретения, то хорошо же. А если мерзкие лихоимства и дела мерзкие были, то огорчайся, что не дали тебе еще дружного пинка в задние ворота.

- Все равно сожалею как-то, что еще один этап в жизни закончился, - не унимался Митрич, обдумывая услышанное.

- Потом будешь сожалеть о том, что сожалел сейчас, - возразил Силон и взял сумку в руки. – Где же конец сожалениям и начало благодарению?

И с этими словами, забрав только что купленные хлеб и булку, вышел из магазина и по привычке растворился в воздухе, сколько бы потом ни бегал вокруг магазина в поисках странника Митрич.

Один богатый коммерсант, живущий в Машезере, рассказывал, что и ему довелось пересечься с Силоном. Тот упрекнул его за то, что тот живет на широкую ногу.

- Имено право, я честно заработал, - сказал коммерсант.

- Сокровища следует собирать не на земле, а на небе, - спокойно сказал тому Силон. – Ведь не на своей же дорогой машине ты собираешься въехать в Царство Небесное? Или на ней?

- Посмотрим, - уклончиво ответил коммерсант и ухмыльнулся.

- Толку-то в твоём богатстве, - пожал плечами Силон. – Иные собирают его, кичатся им, ночами не спят, стерегут. Думаешь, они счастливые люди? Жалко мне их. Сами себя обкрадывают, как и ты сам себя. Только не понимают этого. На брэнное железо тратят деньги, нервы, а жизнь проходит незаметно и в итоге подходят к финишной прямой с нулевыми очками. Приза не видать, как своих ушей. Бросай всё и изучай себя, трать время на делание добра, исправление своих многочисленных грехов. На исповеди-то, поди, ни разу не был?

- Твое-то какое дело? – огрызнулся коммерсант. – Чего ты суешься не в свои дела.

- Не у дел я, когда себе хапают, побольше да побольше, забывая себя, как в зеркало забывают посмотреться, - сказал Силон, не смущаясь. – И очень я у дел, когда за правду, когда нужно же кому-то открывать людям правду, которую сами от себя прячут и не хотят знать. Знал я одного богача, у которого после смерти были найдены вот такие вещицы... Не уходи, я тебе даже перечислю кое-что из его скарба: два серебряных блюда, сукна гвоздичное, алое, темно-коричневое, васильковое, темно-лимонное, несколько седел для верховой езды, бархатные подушки, росписные одеяла, пять или шесть шуб, меха беличьи и соболиные, коллекция сабель, рога различных диких животных, турецкие платки, костюмов штук двадцать, пар обуви не пересчитать, драгоценностей два ящика. Интересно, как же тот богач все это добро возьмет с собой в Царствие-то Небесное? А

никак. Там оно ему не будет нужно. Всё обесценивается, да только душа чего-то и стоит на суде. Бывает, мало стоит, тогда и разговор с ней короткий за неистовство ее, а уж если чего доброго сотворила в этом мире, еще обсудят на суде.

Вот такое разговор состоялся у Силона с предпринимателем. Последний раз видели Силона в храме, куда он, естественно ходил каждую неделю на службы. Как всегда, встал с краю и отрешился. По окончании служб больше в Машезере его не видели. Некоторые жители обеспокоились судьбой странника, большинство же спокойно отнеслось к его исчезновению – странник на то и странник, чтобы кочевать и не сидеть на месте. Видно, понес Силон слово Божие в другие края. Ведь каждый христианин призван быть проповедником своей религии. И сейчас, уверены, Силон выполняет где-то свою миссию. Может быть, он еще приедет когда-нибудь в Машезеро. А люди же пускай помнят его, да почаще в себя заглядывают. Ведь если хоть десять, двадцать человек от встреч с Силоном станут чище, добрее и милосерднее, значит старания Силона не пропали даром.

ПОЭЗИЯ

Крещение

*Идущий по земле январь
Будил крещенские морозы.
Погасший на столбе фонарь
Держал стеклом сосульки-слезы.*

*Могучим эхом снежный хруст
Пугает голубей на крыше.
Устало сбросив снега груз,
Мороз на окнах что-то пишет.*

*А суевающийся народ
Готовит дома угощенье.
Уходит – старый Новый год,
Приходит – Господа Крещенье.*

*Христа, креститель Иоанн,
Крестил в священном Иордане.
С тех пор, к священным тем местам
Священник едет и мирянин.*

*И с ранних лет своих детей
Ведем мы к Таинству Крещенья:
Чтобы Господь зажег им Свет
И дал от скверны очищенье.*

Ю. Шмидт

СЛОВО К ПРИХОЖАНАМ

Сегодня в Евангельском чтении мы встретили жестокие, быть может, слова Господа о том, что кто не может оставить своих близких ради меня и взять свой крест, не достоин меня. Когда Господь говорил своим ученикам «Иди за мной», тот бросал все и следовал за Христом. Однако мы не рассматриваем такие слова как призыв к разделению семей, это скорее призыв к серьезному отношению к вере в Бога. Ведь зачастую хождение в церковь у нас в жизни находится на десятом месте. А Господь нас призывает: бросай все и иди в церковь. Это самое важное в жизни. Если мы услышим этот Божий призыв, тогда все у нас в жизни будет как-то более благополучно идти. А если будет у нас по-мирски, тогда мало что получится в духовной жизни. В другом отрывке Священного Писания Господь говорит о том, что если глаз твой искушает тебя, вырви его и брось от себя, так как лучше спастись с одним глазом, чем с двумя глазами погибнуть. А коли рука или нога искушает тебя, отсеки ее. Это, конечно же, не призыв Господа к членовредительству, он говорит о серьезной необходимости духовной борьбы, которую каждый из нас должен вести. Мы – христиане и в жизни это призвание должно быть на первом месте в словах, поступках и во всех областях жизни. А уж только потом мы хорошие граждане, работники, хорошие дети и родители. Господь призывает нас встряхнуться, прочитать Евангелие и ужаснуться тому, как жестоко написаны вышеприведенные слова в том смысле, чтобы понять глубину и воспринять призыв оставить все и следовать за Христом. Хождение в церковь – это не просто хождение, а участие в Литургии, мистическом действе, благодаря которому стоит мир. Мир стоит, благодаря нашим молитвам. Если не будем посещать храм, не будем надеяться друг на друга, то не поймем истину – если не я, то кто? С меня начинается всё, я должен делать. А все остальное - это как Бог рассудит.

*отец Константин Савандер,
Петрозаводск*

